

Утренний выпускъ.

Объявленія за строку петита или заним. ею мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ 1 Л. 40 с. 70 руб.), предл. труда 14 с. (7 р.) позади текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для заграницы 10 амер. цент. за строку.

СЕГООДНЯ

№ 269.

выходить утромъ и вечеромъ.

8-й г. изд.

Воскресенье
28 ноября 1926 года.

Цѣна номера въ Латвіи 16 сент. (8 р.) въ Литвѣ за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за оба изд. 50 грш., за утр. 30 грш., за воскр. 35 грш. Подп. плата на „Сегодня“ въ мѣсяцъ (за 7 ном. въ нед.) въ Латвіи 3 Л. 50 с. (175 р.) загр. 5 Л. 20 с. (260 р.) или 1 амер. долл. Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.): въ Латвіи 5 Л. 75 с., заграницей 8 Л. 50 с. или 1,70 америк. долл. Редакция: Рига, Мельничная 57 (уг. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. — 21733 и 21334, ночн. ред. — 21225. Главн. контора и экспедиція: Рига, Елизаветинская ул. 83. Тел.: 95990 и 97700.

славяно — право, образцы не такие уж «страшные» — и вот сь самого начала оны поражают зрителя такимъ прологомъ: съ темной сцены несутся шуми большого города — гудки заводовъ и автомобилей, звонки трамваевъ, колокольные звоны... Эта городская симфонія сливается съ волями нищеты и, постепенно затихая, переходитъ въ звуки почлежки, готовящейся отойти ко сну... Наконецъ, на сценѣ проявляется и эта почлежка, представленная кривыми углами экспрессионической, очень картинной, декорации. Такой же «кривой» видъ имѣетъ и дворъ третьяго акта, финаль котораго, съ высказывающими отосижду на разыгравшейся скандалъ личинами, выглядитъ какъ видѣніе гофманскаго міра. — Весь планъ такой постановки проведенъ режиссеромъ дѣйствительно прекрасно, но вся работа пропадаетъ даромъ, такъ какъ герои «Дня» не досрости до «общечеловѣковъ», актеры исполняютъ ошибочное задание и пьеса Горькаго, лишившись реальности, оказывается обезкровленной и нежизненной; въ этомъ отношеніи особенно несчастливымъ оказывается исполнитель роли Луки — талантливый актеръ Гранухъ — обратившій живой образъ въ скучную схему; но и другіе артисты, несмотря на все стараніе и добросовѣстность, не могутъ играть «На днѣ» навыворотъ; режиссерскіе эффекты быстро прѣдаются и зритель очень скоро начинаетъ скучать. Несмотря на это, горьковская пьеса пользуется большимъ успѣхомъ — имя автора среди нѣмцевъ имѣетъ исключительную популярность.

Пожалуй, съ меньшимъ успѣхомъ идетъ въ другомъ берлинскомъ театрѣ — въ «Трибуна» — андреевская «Мысль». Годъ три назадъ она шла уже въ томъ же театрѣ, теперь ее снова возобновили, очевидно, изъ за исключительнаго исполненія Керженцева Вегенеромъ, въ репертуарѣ котораго роль въ русской пьесѣ считается одной изъ лучшихъ.

Вегенеръ, вопреки русскимъ исполнителямъ этой роли и, можетъ быть, вопреки автору, изображаетъ Керженцева съ перваго же появленія, одержимымъ безумной маіей. И въ такомъ прямомъ освѣщеніи, отбросивъ андреевское «если-если», даетъ замѣчательный патологическій эффектъ. Коронастая, угловатая фигура, скучающее лицо — хорошо вѣсьмъ памятное по фильму «Големъ», но на этотъ разъ чуть обремененное свѣлой бородой, сидящее глубоко, по мысли бггающую глазики... И это нервное подергиваніе, и не по здоровому хитренькому подмигиванію, сразу вводятъ въ міръ этого человѣка, преслѣдуемаго навязчивой идеей.

Публика расходится послѣ этого спектакля глубоко потрясенная, и я лично помню очень не много спектаклей, оставившихъ такое сильное впечатлѣніе, хотя и держусь мнѣнія, что сцена мѣше всего пригодна для изслѣдованія умственныхъ способностей героя...

Такъ при участіи русскихъ драматурговъ протекаетъ нынѣшній берлинскій сезонъ; надо надѣяться, что такъ пойдетъ и дальше и тогда, можетъ быть, нѣмецкіе драматурги, пишущіе изъ русской жизни, перестанутъ, наконецъ выводить на сценѣ столь же меланхоличную, сколь и роковую «Наташа», напѣвающую подъ аккомпаниментъ балаалайки — аккомпанирующъ, конечно, за сценой на роялѣ — «Віють вѣтры»... Нѣчто подобное показала намъ спеціально для того прѣбывавшая изъ Дрездена въ Берлинѣ труппа съ одной очень заслуженной артисткой. Имени ея лучше не назыву.

Ю. ОФРОСИМОВЪ,

Русское у нѣмцевъ.

(Письмо изъ Берлина).

Чеховскій циклъ. — Новинки русскихъ драматурговъ. — Новая постановка «На днѣ». — Вегенеръ въ андреевской «Мысли». Роковая «Наташа».

Текущій театральнй сезонъ, бѣдный оригинальными новинками, почти цѣликомъ построенъ на литературѣ переводной; и среди переводовъ почетное мѣсто занимаетъ русская драматургія. Въ скоромъ времени ожидается возобновленіе «Дяди Ваня» — чеховской драмы, знакомой берлинцамъ еще до первыхъ гастролей московскаго Художественнаго театра въ 1905 году; но больше того — впервые на нѣмецкой сценѣ будутъ оплакивать свою незадачную, сѣренькую жизнь три сестры и безпощадно вырубить нѣжный вишневый садъ энергичный «новый человѣкъ» Лопухинъ...

Таимъ образомъ, предстантъ цѣлый чеховскій циклъ — интересное явленіе, есть ли что-нибудь общее между нашими прошлыми «интеллигентскими» настроеніями и настроеніями современнаго нѣмецкаго общества или циклъ «лишнихъ людей» прихоть режиссера, тоняющагося за новинками — показать успѣхъ чеховскаго пьеса, которыхъ русскій зритель ждетъ и съ инт ресомъ, и съ нѣкоторой боязнью: какъ-то сумѣютъ справиться чужіе актеры съ образами, ставшими намъ такими близкими по художественному театру.

Наряду съ Чеховымъ — ожидается цѣлый рядъ новинокъ и для большинства русскихъ «Фальшивая монета» Горькаго, которая дол-

жна пройти у Рейнхардта въ Берлинѣ раньше, чѣмъ въ Москвѣ у художественниковъ, «Пугачевщина» Тронева — тоже изъ репертуара худож. театра и нашумѣвшій въ постановкѣ Мейерхольда ардмановскій «Мандать». Если къ этому прибавитъ, что Моисей путешествуетъ по Германіи съ «Живымъ трупомъ» и что нѣмцы, не довольствуясь русскимъ репертуаромъ, время отъ времени сами сочиняютъ пьесы изъ русской жизни — ясною станетъ та неослабѣвающая заинтересованность, которой пользуется «русская душа» и все къ ней отнесшееся у нѣмецкой публики.

Теперь сенсацию театральнаго сезона составила постановка «На днѣ» въ Народномъ Театрѣ.

Горьковская пьеса въ свое время послужила основаніемъ славы молодого Рейнхардта — «На днѣ» явилось первой его большой работой, до тѣхъ поръ Рейнхардтъ пробовалъ свои силы только на одноактныхъ миниатюрахъ. Въ «На днѣ» этотъ исключительный мастеръ впервые показалъ въ свою настоящую величину, выступая оны здѣсь и какъ актеръ, играя Луку — и на другой день послѣ постановки русской пьесы проснулся, какъ признанный знаменитость. Это было четвертъ вѣка назадъ — съ тѣхъ поръ горьковская пьеса, подтвержден-

ная еще прѣдадомъ московскаго Художественнаго театра, крѣпко вошла въ нѣмецкій репертуаръ, но конечно, всякое возобновленіе было лишь вариацией темы Рейнхардта — Станиславскій.

Нынѣ «На днѣ» переживаетъ вторую весну — виновникомъ ея является молодой режиссеръ Пискаторъ, котораго ныне нѣмецкіе критики, бошіе на крайность, уже успѣли провозгласить за эту работу выше и Рейнхардта, и Станиславскаго.

Пискаторъ обладаетъ нѣсколько страннымъ взглядомъ на вещи; уже пришлось писать въ «Сегодня» объ его «Разбойникахъ», въ которыхъ оны не усмотрѣлъ ничего, кромѣ мѣщанско- бытовой семейной драмы. Немудрено, что горьковскую пьесу оны разсматриваетъ, какъ нѣчто далеко выходящее изъ рамокъ реальнаго «дна»; оны усмотрѣлъ здѣсь широкую общечеловѣческую драму нищеты, въ тинахъ почлежниковъ попытался дать героевъ мірового пролетариата; подчеркнуть символическа, а то, что все же остается въ «Днѣ» реальнаго — сблизилъ съ фантазіей гофманскаго кошмара.

Отъ всей постановки остается такое впечатлѣніе, что Пискаторъ страшно боится оказаться хоть въ чемъ нибудь похожимъ на Рейнхардта или Стани-